
Анна Ветрова
Чужой в моей комнате
18+

Анна Ветрова
Чужой в моей комнате

https://litres.ru/75043443
SelfPub; 2026

Аннотация

Сочи, лето 2026. В жизнь Полины и её матери Марины врывается Артём — харизматичный красавец с чемоданом и тайнами. Он легко занимает место в их доме и сердце девушки, но за идеальной улыбкой скрывается холодный расчёт.

Полина видит в нём спасение от материнского контроля, а Марина — угрозу и дежавю из собственного прошлого. Пока дочь строит планы на будущее, мать собирает факты: странные исчезновения, чужие духи и загадочная блондинка из ресторана «Лазурь».

Артём мастерски играет на двух фронтах, продавая одной женщине историю о бедности, а другой — о вечной любви. Кто он на самом деле: жертва обстоятельств или хладнокровный манипулятор?

Психологическая драма о том, как трудно отличить заботу от тотального контроля, а страсть — от расчёта. Когда ложь становится искусством, правда бьёт больнее всего. Книга для тех, кто любит глубокие характеры и финал, где каждая героиня находит себя, даже если теряет всё остальное.

Содержание

Часть I. Незваный жилец 4
Глава 1. «Мы будем жить вместе» 5
Глава 2. «Чужие привычки» 21
Глава 3. «Бывшая» 35
Глава 4. «Три женщины» 49
Глава 5. «Ночная переписка» 65
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Анна Ветрова
Чужой в моей комнате

Часть I. Незваный жилец

Июль 2026 года.

Глава 1. «Мы будем жить вместе»

Марина вернулась в начале десятого и ещё в прихожей поняла, что в квартире кто-то лишний. Не по звуку, по запаху. Пахло чужим одеколоном, дорогим, с горчинкой кедра, и жареным мясом. А Полина мясо не жарила никогда: считала это занятием для людей, у которых нет планов на вечер.

Она поставила сумку на тумбу, сняла туфли. Рядом с кроссовками дочери стояла пара мужских, белых, без единого пятна, и почему-то больше всего Марину задело именно это. Обувь у мужчин, которые заходят на пять минут, бывает какой угодно. Вычищенной она бывает у тех, кто собирается остаться.

У стены, наполовину прикрытые курткой Полины, громоздились спортивная сумка и чемодан на колёсиках. Чемодан Марина разглядывала секунды три. Потом выпрямилась, одёрнула шёлковую блузку, которая за четырнадцать часов на ногах успела превратиться в тряпку, и пошла на кухню.

Полина стояла у плиты босая, в коротком жёлтом платье, и орудовала лопаткой с видом человека, который в жизни не делал ничего другого. Волосы собраны кое-как, на шее розовое пятно от солнца. За столом сидел парень. При появлении Марины он поднялся не спеша, без суеты, как встают в хорошем ресторане навстречу женщине.

– Ма, ты рано.

– Девять двадцать. Это поздно.

– Ну, для тебя рано. – Полина улыбнулась слишком широко. – Знакомься, это Артём.

Высокий, плечи как у человека, который не пропускает тренировки. Тёмные волосы, льняная рубашка с закатанными рукавами, на запястье часы, которых на зарплату менеджера не купишь, если только не копить год. Он протянул руку, и Марина её пожала. Ладонь сухая, крепкая. Держал он её ровно на секунду дольше, чем нужно.

– Марина Сергеевна, много о вас слышал. Простите, что без предупреждения.

– Без предупреждения – это вы про ужин?

– Про всё сразу, – сказал он и не отвёл глаз.

Честный ответ. Это её и насторожило: честными бывают те, кто заранее знает, что за честность его не накажут.

На плите шипели два стейка. Марина узнала упаковку в мусорном ведре. Мраморная говядина, четыре тысячи за килограмм, купленная в среду для воскресного обеда, на который должна была прийти тётка из Адлера.

– Это моё мясо.

– Я куплю новое, – быстро сказала Полина.

– Конечно, купишь. – Марина прислонилась к косяку. – Давай по порядку. Кто это, откуда, почему у моей двери чемодан.

Полина выключила конфорку. Переложила лопатку на блюдце. Вытерла ладони о платье, хотя полотенце висело в

метре, и Марина увидела, как у дочери дрогнули пальцы. Двадцать лет. Всё ещё те же пальцы, что в восемь, когда она признавалась в разбитой вазе.

– Мы с Артёмом вместе уже полтора месяца.

– Я знаю. Ты рассказывала.

– Я рассказывала, что мы встречаемся. – Полина подняла подбородок. – Теперь мы будем жить вместе. Здесь. Он уже привёз вещи.

На кухне стало тихо. Было слышно, как за окном, внизу, кто-то заводит скутер, как гудит холодильник, как в ковшике потрескивает остывающее масло. Марина посмотрела на дочь. Потом на Артёма. Артём смотрел на неё спокойно, чуть улыбаясь, и в этом спокойствии не было ни вызова, ни страха. Он ждал. Так ждут те, кто привык, что двери открываются сами.

***

Ужин всё-таки состоялся. Спорить на пустой желудок Марина не любила, а стейки, как ни обидно, получились отличные: Полина не пережарила, дала мясу отдохнуть, и откуда-то взяла розмарин. Артём накрыл на стол сам, без подсказок, нашёл в нужном шкафчике и тарелки, и салфетки. Марина отметила это молча. Он не искал, он помнил, где что лежит. Значит, бывал здесь раньше, пока её не было.

– Сколько раз вы у нас ночевали? – спросила она, разрезая мясо.

Полина поперхнулась водой.

– Мама!

– Это вопрос, а не обвинение. Мне важно понимать масштаб.

– Три, – ответил Артём. – Когда вы были на выездных проверках. Полина говорила, что вы не против.

– Полина много чего говорит.

Он кивнул, принимая удар, и продолжил есть. Ни оправданий, ни виноватого взгляда. Марина вспомнила бывшего мужа, тот в такие минуты начинал оправдываться раньше, чем его спрашивали. Этот держался иначе. Опаснее.

– Где вы жили до этого?

– Снимал квартиру на Мамайке, с приятелем. Хозяин продаёт, договор кончается через две недели.

– И вы решили не искать новую.

– Решили вместе. – Он глянул на Полину, и та расцвела. – Мы не хотели ничего скрывать. Приехали и сразу сказали.

– С чемоданом.

– С чемоданом, – согласился он. – Чтобы не терять время.

Марина отложила нож. Аккуратно, параллельно вилке.

– Артём, вы не могли бы дать нам с дочерью десять минут? На балконе красивый вид, а я быстро.

Он встал сразу, поблагодарил за ужин, взял со стола свой бокал. В дверях балкона обернулся и подмигнул Полине, коротко, почти незаметно. Марина заметила.

Когда стеклянная дверь щёлкнула, Полина заговорила первой, и заговорила шёпотом, злым и торопливым:

– Только не надо сцен.

– Какие сцены? Я сижу и разговариваю.

– Ты сидишь и допрашиваешь. Как следователь.

– Полин, ты привела в мой дом мужчину, которого я вижу первый раз в жизни, поставила его чемодан в мою прихожую и мне же объясняешь, как мне себя вести?

– В наш дом.

– Квартира на мне, ипотеку закрывала я, налоги плачу я, и твой университет тоже оплачиваю я. Вот этот вот «наш» можешь приберечь.

Полина побледнела. Попала. Марина увидела это и тут же пожалела, но слова уже лежали на столе между тарелками, и забрать их было нечем.

– Хорошо, – сказала Полина очень тихо. – Значит, я приживалка. А он, значит, гость. Ты это хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что со мной нужно было поговорить. До. Не после.

– А ты бы согласилась?

– Нет.

– Вот поэтому и не говорила. – Полина встала, оперлась ладонями о стол. – Мне двадцать лет, мама. Я не прошу разрешения, я сообщаю. Это разные вещи.

– Сообщают о погоде. О том, что в дом приводят чужого человека, договариваются.

– Он не чужой.

– Полтора месяца. Ты его знаешь полтора месяца. Ты зна-

ешь, где он работает, хоть раз его начальника видела? Родителей его видела? Хоть одного друга, кроме того парня, с которым он на пляже?

– Его родители в Краснодаре.

– Прекрасно. Они в курсе, что он съезжает к девочке и её матери?

Полина промолчала. По глазам было видно: нет. И тут Марина поняла, что сказала лишнего, потому что дочь выпрямилась, и лицо у неё стало то самое, упрямое, отцовское, которое Марина ненавидела в бывшем муже и любила в ней.

– Он остаётся. С тобой или без тебя. Я просто хотела, чтобы это случилось по-человечески.

– По-человечески, – повторила Марина. – Ты называешь это человечностью.

Из открытой форточки тянуло морем и чьим-то шашлыком. На балконе Артём стоял спиной к ним, облокотившись о перила, и разговаривал по телефону вполголоса. Закончил, когда увидел, что женщины замолчали, и убрал аппарат в карман так легко, будто ничего не было.

***

К одиннадцати Марина перестала считать, сколько раз он прошёл мимо неё по коридору.

Артём таскал вещи молча и деловито, как грузчик, которому заплатили вперёд. Сумка. Ещё сумка. Коробка с обувью, плоская кожаная папка, настольная лампа, которую никто не просил. Он здоровался с Мариной каждый раз, про-

ходя, коротким кивком, без слов, и от этого кивка хотелось запустить в него чем-нибудь тяжёлым.

Из комнаты Полины доносился шорох вешалок. Марина заглянула. Дочь, сияющая, с красными пятнами на скулах, освобождала для него половину шкафа, сдвигала свои платья в одну тесную кучу, и три из них, самые дорогие, те, что мать дарила на восемнадцатилетие, лежали на кровати, сброшенные как ненужные.

– Подними, – сказала Марина.

– Что?

– Платья с постели подними. Помнутся.

Полина фыркнула, но подняла. Рядом Артём разворачивал на столе ноутбук, провода, зарядки, и стол, на котором Полина когда-то рисовала карту Крыма для школьного проекта, быстро превращался в чью-то чужую территорию.

– Это его рабочее место? – уточнила Марина.

– Ну а где ему работать?

– Дома, – ответила Марина. – У него дом был.

Артём поднял голову от розетки.

– Я постараюсь вам не мешать.

– Постарайтесь сильнее.

Она ушла в ванную, чтобы умыться, и застыла у зеркала. Её полка, та, где лежал крем за шесть тысяч, сыворотка, щётка для ночного массажа, оказалась сдвинута к самому краю. На освободившемся месте стояли бритва, пена с запахом мяты, гель для душа в чёрной бутылке и пластиковый стакан

с одной зубной щёткой. Одной. Значит, надолго: те, кто на пару дней, щётку не покупают, они ею делятся.

Марина смахнула всё это, всю мужскую мелочь, в раковину. Постояла. Потом аккуратно вернула на полку, но уже на нижнюю, к стиральному порошку.

В коридоре её ждала Полина. Стояла, скрестив руки, в одной футболке до бёдер, и смотрела так, словно застала мать за кражей.

– Ты выставила его вещи.

– Я переставила. Это моя ванная.

– Я видела!

– Тогда ты видела и мой крем, которому он нашёл применение в виде подставки для бритвы. – Марина говорила тихо, чтобы не слышал тот, кто сидел за стеной. – Полина, я не против любви. Я против того, что ты ставишь меня перед фактом, а потом обижаешься на мои факты.

– Ты не против любви? – Полина усмехнулась. – Мам, ты вообще помнишь, как это? Ты после отца ни с кем… тебе же скучно просто. Ты ходишь по этим своим проверкам, возвращаешься, смотришь сериал и спишь. А я живу. Тебе неприятно, что у кого-то получается.

Удар вышел точным. Марина даже не вздрогнула, только пальцы на ручке двери сжались так, что побелели суставы.

– Повтори.

– Я сказала…

– Я слышала, что ты сказала. – Она подняла глаза. – Я

хочу, чтобы ты знала одну вещь. Когда твой отец ушёл, тебе было десять, и ты болела ангиной. Я работала на двух работах и ночами сидела с тобой, мерила температуру каждые полчаса. Я не завидую, Полина. Я просто знаю, чем такие вечера кончаются. Обычно слезами. И обычно не у тех, кто привёл мужчину в дом.

– Он не такой.

– Они все не такие. Первые два месяца.

Полина молчала. Губы у неё дрожали, но она держалась, и Марина вдруг ясно, до боли ясно увидела в этой злой девочке себя двадцать лет назад: тот же поворот плеч, тот же упрямый излом бровей. Двадцатилетняя Марина тоже говорила матери, что ничего не понимает в любви.

– Иди спать, – сказала она устало. – Утром поговорим.

– Нам не о чем говорить.

Полина ушла в свою комнату. Дверь закрылась без хлопка, и именно эта осторожность была хуже любого грохота. Так закрывают дверь люди, которые решили больше не объясняться.

***

Уснуть не получилось. Марина лежала на спине, глядя в потолок, по которому ползли отсветы фар с набережной, и слушала дом. За двадцать лет она выучила его наизусть: как вздыхает труба в стене, как щёлкает остывающий бойлер, как скрипит третья половица от кухни. Теперь в этой знакомой музыке появился новый голос.

Сначала смех. Короткий, придушенный, Полинин, и следом низкий мужской, неразборчивый. Потом шёпот. Потом снова смех, и в нём уже была другая нота, мягкая и тягучая, которую Марина узнала раньше, чем успела себя остановить.

Она повернулась на бок и накрыла ухо подушкой. Помогло плохо.

Стены в квартире были толстые, советской закалки, но дверь в комнату Полины ещё с детства прилегала неплотно, и Марина всё собиралась позвать мастера. Не позвала. Теперь платила за это. Сквозь щель просачивалось слишком много: скрип пружин, чьё-то сбитое дыхание, глухой стук, будто что-то упало с тумбочки, и Полинин голос, тонкий, незнакомый, которым она никогда не разговаривала с матерью. Голос взрослой женщины. Или девочки, старательно играющей взрослую.

Марина встала. Босые ступни холодили плитку. Она вышла в коридор и остановилась у закрытой двери, сама не понимая зачем. Постучать? Войти? Крикнуть, чтобы потише? Любой из вариантов был унизительным, и в первую очередь для неё самой.

За дверью стихло. Потом хриплый, довольный мужской смех, и фраза, которую она не разобрала, но поняла по интонации: так говорят, когда хотят, чтобы услышали.

Она ушла на кухню. Налила воды, выпила залпом и поймала своё отражение в тёмном окне: растрёпанная, в тонкой шёлковой рубашке, с руками, которые не знали, куда деть-

ся. Сорок четыре года. Ухоженная, подтянутая, с отлаженной жизнью, где всё на своих местах. И никто не прикасался к ней уже два года. Слишком долго, чтобы не заметить, и слишком недолго, чтобы признать, что это стало проблемой.

Она злилась не на дочь. Это Марина честно себе объяснила. Злилась на то, что в её доме кто-то так откровенно, так шумно, так бесстыдно хочет и получает, а она стоит у раковины и слушает.

Скрипнула половица. Третья от кухни.

Марина обернулась. В дверях стоял Артём. Босой, в тёмных спортивных штанах, низко сидящих на бёдрах, без рубашки. Плечи широкие, кожа слегка загорелая, под левой ключицей тонкий светлый шрам. Волосы взъерошены. Он тоже, похоже, не ожидал встречи, но смутился ровно на секунду.

– Простите. Хотел воды.

– Оденьтесь.

– Здесь жарко.

– Это моя кухня, а не пляж.

Он усмехнулся. Не нагло, скорее с интересом, и прошёл мимо неё к кухонной стойке. Взял стакан. Марина стояла у раковины, он у холодильника, расстояние метра два, и в этих двух метрах слышалось чужое тёплое дыхание, и запах кедра и пота, и ещё чего-то женского, дочернего. От этого последнего её передёрнуло.

– Марина Сергеевна, я понимаю, как это выглядит.

– Сомневаюсь.

– Вы думаете, я пришёл воспользоваться девочкой.

– Я думаю, что вы пришли, потому что вам было негде жить. А она, на ваше счастье, оказалась рядом.

Он пил медленно, глядя на неё поверх стакана. Кадык ходил вверх-вниз. Марина отвела глаза и поймала себя на том, что отвела слишком поздно.

– Если хотите, чтобы я ушёл, скажите прямо. Я не стану прятаться.

– Хочу, чтобы вы ушли.

– Тогда придётся объяснять Полине.

– Объясню сама.

– Она вас не простит, – сказал он без угрозы, почти с сожалением. – Вы это знаете лучше меня.

Она знала. Именно поэтому промолчала.

Артём поставил стакан в раковину, коснувшись рукавом её локтя, хотя места хватало, и пожелал спокойной ночи. Ушёл. Дверь в комнату Полины приоткрылась и снова закрылась, щёлкнула задвижка. Старая задвижка, которую Марина собиралась снять ещё в мае, когда дочь по глупости заперлась в день экзамена.

Марина вернулась в постель. Лежала в темноте, слушая, как возобновился тот самый смех, и думала: ситуация куда серьёзнее, чем показалась вечером. Потому что парень, умеющий в два часа ночи так спокойно смотреть ей в глаза, не растеряется ни в чём.

***

Марина проснулась в шесть, за час до будильника, с тяжёлой головой и чётким решением: никаких скандалов. Она оденется, накрасится, выпьет кофе и спокойно, как на планёрке, обозначит условия. Взрослые люди договариваются. Взрослые люди не кричат на кухне в семь утра.

На кухне пахло кофе.

Артём стоял у плиты, босой, в чистой белой футболке и тех же светлых брюках, и осторожно водил над огнём её турку, медную, привезённую когда-то из Стамбула и никому не разрешённую. Он вытащил её с верхней полки, куда Марина прятала от посторонних. Нашёл же.

– Доброе утро, – сказал он, не оборачиваясь. – Пенку не упустил, смотрите.

– Поставьте турку.

– Секунду.

– Сейчас.

Он снял её с огня, налил в чашку и только тогда повернулся. Побритый, свежий, глаза ясные, как будто вчерашней ночи не было. Марина, у которой под глазами залегла серая тень, возненавидела его ещё немного.

– Нашли, – констатировала она.

– Я всегда нахожу то, что хочу. Это не упрёк, а наблюдение.

Ответ прозвучал так просто, что она растерялась. Села. Он поставил перед ней чашку и ушёл к холодильнику, будто

это его кухня и его утро. Кофе оказался крепким, правильным, с сахаром ровно на одну ложку, как она любила. Откуда он знает про ложку?

– Полина рассказала, – сказал Артём, читая её мысли. – Она много про вас рассказывает. Хорошего, кстати, больше, чем вы думаете.

– Не лезьте в мои мысли.

– Не лезу. Просто вы громко думаете.

Полина вышла из комнаты в одной длинной майке, зевая, с гнездом на голове и тем особенным, чуть ленивым выражением лица, которое бывает у женщин, хорошо выспавшихся не в одиночку. Чмокнула Артёма в щёку, схватила со стола яблоко, посмотрела на мать из-под ресниц, осторожно, как кошка на хозяйку после разбитого горшка.

– Мам, кофе осталось?

– Я опаздываю.

– Пять минут.

Марина не любила этот тон, ласковый, просительный, нарочито детский. Он работал на ней безотказно, и дочь об этом знала. Она кивнула на стул. Полина села рядом, поджав под себя ногу, и принялась грызть яблоко, а Артём пристроился напротив, опершись локтями о стол. Они сидели втроём. Утреннее солнце лежало на скатерти квадратом. Со двора тянуло мокрым асфальтом и жасмином. Картинка вышла почти семейной, и Марина едва не поддалась, пока не вспомнила про задвижку.

– Правила, – сказала она.

– Какие правила? – Полина закатила глаза.

– Три. Первое: расходы. Коммуналка, продукты, интернет делятся на троих, считая с первого числа. Второе: гости предупреждаются заранее, и «заранее» значит не за десять минут. Третье: ночью в этой квартире тишина. Стены у нас тонкие, и я не собираюсь слушать то, что слышала сегодня.

Полина вспыхнула до корней волос. Артём прикусил губу, и Марина не поняла, сдерживал он смех или смущение.

– Принято, – сказал он. – Все три. И вечером я схожу в магазин сам, чтобы с продуктами не вышло, как вчера.

– И не готовьте больше моё мясо.

– Договорились.

– Не «договорились». Не готовьте.

– Понял.

Он кивал спокойно, без показной покорности, и именно эта лёгкость почему-то беспокоила сильнее любых возражений. Человек, который так быстро соглашается, либо добр, либо уверен, что правила его не касаются.

Телефон Артёма завибрировал на столе, экраном вниз. Раз, другой. Он накрыл аппарат ладонью, не глядя, встал и бросил:

– Работа. Извините, на минуту.

Он вышел на балкон и прикрыл за собой стеклянную дверь. Полина, ничего не заметив, листала что-то в своём телефоне и жевала яблоко. Марина допила кофе, поднялась,

сполоснула чашку. Взяла сумку, ключи. Поцеловала дочь в макушку, жёстко, торопливо, и услышала себе в спину тихое «спасибо, мам», в котором не было победы, а было что-то усталое и по-детски благодарное.

В прихожей она на секунду замерла у зеркала. Из кухни, сквозь приоткрытую балконную дверь, доносился голос Артёма. Не тот, тёплый, с лёгкой хрипотцой, которым он разговаривал за ужином. Другой. Сухой, чуть раздражённый, быстрый.

– Я же сказал, не сейчас. Нет. Нет, я не могу говорить. Потом.

Пауза. И тише, почти ласково, почти шёпотом:

– Я помню. Я сказал, что помню.

Марина постояла ещё мгновение. Потом открыла дверь и вышла. В лифте, пока кабина ползла вниз, она смотрела на своё отражение в тусклой хромированной панели и думала, что утром ей показалось. Наверняка показалось. С работой иногда разговаривают именно так.

Глава 2. «Чужие привычки»

За неделю гостиная перестала быть гостиной. Марина поняла это в четверг, вернувшись пораньше: открыла дверь и застыла на пороге, как человек, перепутавший этаж.

Диван стоял у окна. Журнального столика не было, на его месте появился плетёный пуф, а на пуфе валялись чужие кроссовки. Её кресло, глубокое, бархатное, откуда открывался вид на залив, развернули спинкой к телевизору, и на подлокотнике висела серая футболка. На балконе между горшками с геранью поблёскивали две гантели и лежал скатанный коврик. Из колонок, которых Марина не покупала, колотило что-то ритмичное.

Артём отжимался прямо на ковре. Увидел её ноги, но не остановился. Дожал до двадцати, выдохнул и только тогда поднял голову.

– Добрый вечер.

– Где столик?

– В кладовке. Мешал.

– Мне он не мешал одиннадцать лет.

– Вы к нему привыкли. – Он встал, вытер лоб предплечьем. – А привычка и удобство не одно и то же. Диван у окна, и вечером тянет с моря. Попробуйте посидеть, сами убедитесь.

Он не спорил, не оправдывался. Объяснял, как объясня-

ют человеку, который со временем всё поймёт. Марина прошла к кладовке, достала столик, придирчиво осмотрела столешницу. Ни царапины. Поставила на старое место, двинула диван обратно. Артём наблюдал, прислонившись к стене, и не предложил помочь.

В пятницу всё стояло как в четверг.

Мелочи накапливались, и каждая по отдельности казалась такой пустяковой, что жаловаться было стыдно. Верхняя полка холодильника, её, с сырами и йогуртами, теперь принадлежала его протеиновым коктейлям. Кофемашина, которую Марина берегла и чистила раз в неделю специальной таблеткой, выдавала по пять чашек в день, и фильтр уже начинал хрипеть. Телевизор переключился на спорт и больше на другие каналы не возвращался. Её любимый плед, шерстяной, цвета выгоревшего неба, обнаружился в спальне Полины, и от него пахло кедровым одеколоном.

Всё это она записывала в голове, а не вслух, и от этого злилась ещё сильнее. Потому что формально он ничего не нарушил.

Утром, когда она встала, на журнальном столике, на своём законном месте, лежала записка, написанная ровным уверенным почерком. «Столик вернул. Но диван всё-таки подвиньте к окну вечером и проверьте. Если не понравится, больше не трогаю. А.»

Она скомкала бумажку. Потом разгладила и положила в ящик стола. Зачем, объяснить себе не смогла.

***

В субботу к Полине пришли подруги. Она предупредила мать в восемь утра сообщением, и ответ получила через сорок минут, из двух букв: «ок». Но Марина ушла на работу ещё в семь, значит, мешать никто не будет.

Лиза и Диана растянулись на её кровати, обложившись подушками. Полина сидела по-турецки у изголовья, и телефон переходил из рук в руки как горячая картошка.

– Это он спит, – комментировала она. – Видите, рот открыт? Я встала в шесть, чтобы сфотографировать. Он мне потом сказал, что убьёт.

– Не убил? – Лиза увеличила фото. – Красивый, зараза. Даже со слюнями.

– Лиз!

– Что? Я констатирую. Дальше.

Дальше шли кадры из новой жизни. Две зубные щётки в одном стакане. Артём у плиты в одном фартуке поверх шорт, хохочущий, с мукой на щеке. Двое в зеркале прихожей, она на цыпочках, чтобы достать до его подбородка. Балкон, закат, чьи-то босые ноги на перилах. Постель, смятая, с одним краем одеяла на полу, снятая сверху, без лиц. Диана взвизгнула и закрыла глаза ладонью.

– Покажи мне, что это постель, а не поле боя.

– Это моя комната.

– Вот именно, твоя. Рядом с маминой. – Диана приоткрыла один глаз. – Пол, слушай, я правда рада. Но мама как?

– Терпит.

– Как терпит?

– Молча, сжав зубы, при этом каждое утро находит новое замечание. – Полина вздохнула. – Но ты не знаешь, какая она. Если он хоть раз ошибётся, она его разберёт на запчасти.

– А он не ошибётся? – спросила Лиза.

– Он идеальный.

Лиза повернулась на бок, подперев голову ладонью. Лиза всегда была резче остальных: училась на гидрологии, носила на предплечье татуировку в виде якоря и не умела делать вид, что ей нравится то, что не нравится.

– Таких не бывает, Пол.

– Ты завидуешь.

– Я? У меня парень отвечает на сообщения раз в три дня, а в остальное время играет в танчики. Конечно, я завидую. Но я, знаешь, ещё и думаю. Тебе двадцать, ему двадцать пять. Он красивый, обаятельный, хорошо одет, работает, всем нравится твоей матери. Ну, почти. И он вдруг переезжает к тебе через полтора месяца. Где подвох?

– Нет подвоха.

– А бывшая?

Полина на секунду замерла. Потом пожала плечами:

– Была. Три года вместе. Всё закончилось в феврале.

– Он рассказывал?

– Мы не обсуждаем. Зачем? Прошлое есть у всех.

– А имя?

– Вика, кажется. Или Вера. Я не спрашивала.

Диана присвистнула. Лиза промолчала, и именно это молчание неприятно царапнуло Полину. Лиза смотрела не осуждающе, скорее задумчиво, так смотрят на красивый дом, у которого трещина идёт по фундаменту: пока не видно, но она там.

– Только не надо этого лица, – сказала Полина.

– Какого?

– Умной подруги.

– Я не умная. Я просто три года жила с человеком, который говорил «всё закончилось», – Лиза села, откинув волосы. – А потом его бывшая приходила забирать вещи. В половине второго ночи.

Все засмеялись, нервно, и Полина забрала телефон. Но когда подруги ушли, она ещё долго лежала на кровати, листая те же самые снимки, и впервые заметила, что ни на одном из них Артём не смотрит в камеру. Он смеялся, готовил, спал, целовал её в висок, но объектива избегал, будто привык не оставлять следов.

***

В понедельник Марина достала калькулятор.

Он нашёлся в нижнем ящике рабочего стола, старый, с кнопками, стёртыми до белизны, и она села за кухонный стол с квитанциями: свет, вода, отопление, интернет. К ним присоединила чек из продуктового, за пять дней. Сложила, поделила на троих. Получилось не так уж много. Двенадцать

тысяч четыреста на человека, считая с первого июня. За эти две недели Артём не заплатил ни рубля.

Он пришёл в половине десятого, с пакетом из «Азбуки вкуса» и бутылкой красного.

– Это вам, – сказал он, ставя вино на стол. – Чилийское, неплохое.

– Артём, давайте поговорим.

– Конечно. – Он сел напротив, сложил руки. – Про деньги, да?

– Вы обещали делить расходы.

– Обещал. И сделаю. Зарплата у нас десятого и двадцать пятого, я как раз ждал.

– Сегодня двадцать второе.

– Значит, через три дня.

– А потом окажется, что надо дождаться аванса по другому проекту. Я такое слышала. – Она передвинула к нему листок. – Вот сумма. Если удобно, переводом.

Он взглянул на бумагу и убрал улыбку, как убирают лишнюю посуду.

– Марина Сергеевна, давайте честно. Дело не в сумме?

– Дело в обещаниях.

– Я вам не враг.

– Я вам не мать.

– Вы мать Полины.

– И за эту должность вам платить не придётся. А вот за свет придётся.

Пауза вышла длинной. Из комнаты Полины доносилась музыка и шум фена. Артём посмотрел на часы на своём запястье, машинально, как смотрят на источник уверенности, и Марина проследила за его взглядом. Матовый корпус, сапфировое стекло, ремешок из тёмной кожи. Такие часы стоили четверть её годового дохода.

– Подарок отца, – сказал он, не дожидаясь вопроса.

– Родителей из Краснодара. Они, видимо, дарят с размахом.

– Они не бедные.

– Тогда странно, что их сын экономит на коммуналке.

На секунду в его лице что-то дрогнуло, и это была не злость, а нечто более неприятное. Холодное и точное. Взгляд человека, который взвешивает: что можно потерять, если продолжить спорить.

Потом всё исчезло. Он достал бумажник, отсчитал одну пятитысячную купюру и положил поверх листка.

– Пять. Остальное двадцать пятого.

– Это меньше половины.

– Это начало. – Он улыбнулся, мягко и обезоруживающе. – Не обижайтесь. Я не привык, когда меня считают.

– А я привыкла считать. Это моя работа.

В дверях кухни появилась Полина, закутанная в полотенце, с влажными волосами. Посмотрела на деньги, на мать, на Артёма.

– Вы что, из-за денег?

– Мы обсуждаем бюджет, – ответил он. – Всё нормально.

– Мам, ну зачем ты так?

– Как «так»?

– Как с чужим. Он же живёт здесь.

– Вот именно, – сказала Марина. – Живёт. А живущие здесь платят.

Полина обняла Артёма со спины, и тот накрыл её руки своими, глядя на Марину спокойно и чуть виновато. Спектакль был отыгран идеально: он, великодушный, она, капризная. Марина собрала квитанции, сложила пополам, ушла к себе, и только когда закрылась дверь спальни, поняла, что пять тысяч так и остались лежать на столе. Он не стал их забирать, но и в руки не дал. Оставил лежать. Пусть сама решает, брать или нет.

***

В среду Марине пришлось уехать на сутки: в курортном комплексе, которым она управляла, в субботу ждали банкет на двести человек, и накануне нужно было проверить кухню, зал и ночную смену. Она собрала сумку, поцеловала Полину в щёку, кивнула Артёму и в дверях бросила:

– Вернусь завтра к обеду. Не жгите квартиру.

Дверь захлопнулась. Было слышно, как гудит лифт.

Полина выждала ровно минуту. Потом обернулась к Артёму, который стоял у стены, засунув руки в карманы, и они засмеялись одновременно, как школьники, оставшиеся без родителей.

Вечер навалился липкой жарой. Небо за панорамным окном стало бронзовым, потом лиловым, море выцвело до оловянного, а с гор потянуло тяжёлой, влажной духотой, обещавшей грозу. Они сдвинули диван к окну, туда, где он стоял на прошлой неделе по версии Артёма, и теперь это показалось не оккупацией, а удобством. Полина переоделась в тонкую белую блузку на пуговицах, почти прозрачную в свете ламп, и короткие шорты. Волосы распустила. Артём налил вино, оно оказалось тем самым, чилийским.

– Включи что-нибудь, – попросила она.

Он нашёл на телефоне медленную песню, женский голос, гитару, и поставил на подоконник. Взял Полину за руку, потянул с дивана.

– Я не умею танцевать.

– Тут не надо уметь. Надо стоять близко.

Он положил её ладонь себе на плечо, свою положил ей на спину, чуть ниже лопаток, и они закачались, едва двигаясь, под музыку, в окружении огней, мерцающих внизу, как рассыпанные бусины. Блузка липла к её коже. Кожа Артёма под рубашкой была горячей, и от него пахло солью, кедром и вином. Полина запрокинула голову, он наклонился и поцеловал её. Не сразу в губы, а сначала в уголок рта, потом в подбородок, потом туда, где под челюстью бьётся жилка. Она засмеялась и тут же перестала смеяться.

– Артём.

– Мм?

– Я так по тебе скучаю, когда ты просто в соседней комнате.

– Это глупо.

– Знаю.

– Нет. Это приятно.

Он расстёгивал пуговицы медленно, одну за другой, и у каждой останавливался, чтобы посмотреть ей в лицо. Полина чувствовала, как горят щёки. Ей всегда было неловко от его взгляда, от этой его манеры смотреть так открыто, словно в мире нет ничего, что нужно скрывать. Блузка соскользнула с плеч на пол. Он провёл ладонью по её ключице, по груди, по рёбрам, так бережно, как касаются чего-то хрупкого, и Полина вдруг поняла, что дрожит.

– Холодно? – спросил он.

– Нет.

– Страшно?

– Тоже нет.

– Тогда что?

– Просто… – Она не нашла слова. Прижалась лбом к его груди и услышала, как гулко и ровно бьётся его сердце. – Не останавливайся.

Они опустились на диван, потом соскользнули на ковёр, потому что на диване было тесно и жарко, а на ковре, у стеклянной стены, тянуло прохладой из щели в раме. Он стянул рубашку через голову. Она провела пальцами по тонкому шраму под его ключицей, и он поймал её руку, поднёс к гу-

бам. Дальше говорить не получалось. Слова стали лишними, их заменили вздохи, шорох ткани, тихий стук сброшенных сандалий о ножку стола. Время растянулось. Гроза где-то за горами проворчала первый раз, и Полина выгнулась, вцепилась пальцами в его плечи, ловя ритм, который он задавал, а потом вдруг, неожиданно для самой себя, перевернула его на спину и оказалась сверху.

– Ого, – выдохнул он.

– Молчи.

Она двигалась сначала неуверенно, потом смелее, откинув волосы, глядя на него сверху вниз, и видела, как меняется его лицо: уходит ленивая улыбка, расширяются зрачки, на скулах проступает румянец. Власть над ним, пусть краткая, пьянила сильнее вина. Он держал её за бёдра, пальцы горячие, чуть грубоватые, и когда они оба, почти одновременно, потеряли дыхание, за окном ударил гром, и по стеклу побежали первые тяжёлые капли.

Потом они лежали на ковре, укрытые его рубашкой, и слушали дождь. Полина положила голову ему на грудь. Электрический свет города дрожал в мокром стекле.

– Скажи, что останешься, – попросила она.

– Куда я денусь.

– Нет, скажи по-другому.

– Я останусь.

– Надолго?

Он погладил её по волосам. Помедлил секунду, почти

незаметную, но Полина её услышала.

– Надолго, – сказал Артём.

***

Она ушла в душ минут через двадцать, пошатываясь и оставляя на паркете мокрые следы от вспотевших ступней. Артём лежал ещё немного, глядя в потолок, где ходили тени от дождя. Потом потянулся к телефону, и на экране горело одно непрочитанное сообщение.

Он знал, от кого оно, раньше, чем открыл. «Вика».

«Ты забыл у меня серую рубашку. И зарядку. Заберёшь или выбросить?»

Он взглянул на дверь ванной. Шумела вода. Набрал: «Не пиши мне вечером. Я же просил».

Отправил. Секунду спустя экран мигнул снова.

«А когда писать? Утром ты на работе. Днём на работе. Ночью дома. Ты всегда где-то, Тёма».

Он сел, провёл рукой по лицу. Дождь усиливался. С потолка соседей сверху, как всегда в грозу, глухо прогудела труба.

«Завтра созвонимся. Не сейчас».

«Ты обещал».

«Знаю. Завтра».

«Скучаю».

Артём не ответил. Он открыл переписку, нашёл в списке контактов её имя, задержал палец. «Удалить чат». Подтверждение. Экран очистился. Потом он зашёл в журнал вызо-

вов, стёр два входящих от этого же номера, проверил корзину, отключил уведомления. Всё заняло меньше минуты, и делал он это без суеты, привычными, отработанными движениями человека, который выполняет рутинную процедуру, как чистку зубов.

Вода в ванной стихла. Щёлкнула защёлка.

Полина вышла в махровом халате Марины, подвязанном на талии, с тюрбаном из полотенца на голове. Босая, румяная, сияющая.

– Ты уже встал? – спросила она.

– Я никуда не уходил.

– Врёшь. – Она подошла и села рядом. – Кто писал?

– Начальник. Про пятницу.

– В такое время?

– У них нет понятия о времени.

Полина фыркнула, ткнулась носом ему в плечо.

– Хочешь чаю?

– Хочу.

Она убежала на кухню, и он слышал, как звякает чайник, как шуршит упаковка, как она напевает ту самую песню, под которую они танцевали. Артём остался на ковре, голый по пояс, глядя в экран, на котором теперь не было ничего. Чистая страница.

Телефон дрогнул ещё раз. Новое сообщение, без имени, просто цифры.

«Не удаляй. Я сохранила скриншоты».

Он выключил экран и положил аппарат на живот, лицом вниз.

Глава 3. «Бывшая»

Телефон зазвонил в четверг, в десять утра, когда Артём стоял на площадке будущего банкета в «Радужном» и объяснял двум рабочим, где поставить сцену. Номер высветился незнакомый. Он знал его наизусть.

– Минутку, – бросил он рабочим и отошёл за колонну.

На шестом гудке он принял вызов, но промолчал. В трубке дышали. Потом хрипловатый голос, который он слышал три года по утрам над ухом, произнёс:

– Ты с ума сошёл, что ли, не брать трубку.

– Я на объекте.

– Знаю, где ты. Я всё знаю. – Короткий смешок. – Не волнуйся, я не прячусь за углом. Пока.

– Вика.

– Что Вика? Я пятый день жду, пока ты соизволишь позвонить. Пятый, Тём. Ты вчера обещал.

– Я не мог.

– Конечно. Ты никогда не мог.

Он прислонился лбом к холодному бетону. Где-то за спиной звякнул металл, закричал бригадир, но звуки доносились будто из другой комнаты.

– Чего ты хочешь?

– Увидеть тебя. Вечером. Сегодня.

– Не получится.

– Получится. Придумаешь что-нибудь, у тебя это хорошо выходит. – Голос стал мягче, и от этой мягкости ему стало неуютно. – Приезжай ко мне на работу, к закрытию. Я оставлю столик. Нам надо поговорить, и по телефону я этого делать не буду.

– Мы всё сказали в феврале.

– В феврале мы сказали много глупостей, а я весь март проревела. Не надо мне про февраль. – Пауза. – Ты дома?

– Что значит «дома»?

– У неё. В её квартире. С её мамой. Тебе там нравится?

Артём молчал. Через стекло витрины он видел, как над морем стоит солнце, белое, злое, как раскалённая монета.

– Значит, нравится, – сказала Вика. – Приезжай в десять. Не опоздаешь, я думаю.

Она положила трубку. Он ещё секунду стоял, глядя на потухший экран, потом убрал телефон в карман и вернулся к рабочим, но те уже посматривали на него с любопытством, и бригадир, пожилой усатый грузин, тихо сказал:

– Девушка?

– Начальство.

– Такое начальство я бы тоже слушал, – хмыкнул бригадир и отвернулся.

***

Вечером он вернулся к семи, принял душ и вышел в коридор, застёгивая манжеты. Полина сидела на подоконнике в кухне с ноутбуком, готовила конспект по экономике туризма

и грызла карандаш.

– Придётся задержаться, – сказал он.

– Сегодня? Ты же говорил, что вечером будем смотреть сериал.

– Милая, у меня клиент. Хозяин площадки хочет обсудить смету, а это, сама понимаешь, не на пять минут.

Полина отложила карандаш. Посмотрела на него снизу-вверх, и её лицо, открытое, с чуть припухшими от недосыпа веками, сделалось таким доверчивым, что Артёму на секунду захотелось сесть рядом и всё рассказать. Секунда прошла.

– А долго?

– Не знаю. До одиннадцати, может, до двенадцати.

– Я подожду.

– Не надо.

– Я хочу.

Он подошёл, обхватил её лицо ладонями и поцеловал в лоб. Почувствовал, как она обмякла, подалась к нему всем телом.

– Не обижайся. Я быстро.

– Ладно, – сказала она, вздохнув. – Только не как в прошлый раз, когда ты написал «уже еду» и объявился в час ночи.

– Тогда пробки были.

– В час ночи?

– Ремонт на Курортном. Ты же знаешь, как у нас дороги.

– Обещал.

– Обещал.

В прихожей он надел светлый пиджак и столкнулся с Мариной. Она только что вошла, ещё в туфлях, с портфелем под мышкой, и остановилась, окинув его взглядом от ботинок до воротника.

– Уходите?

– Дела.

– В это время.

– Сезон, Марина Сергеевна. Все хотят банкеты, никто не хочет планировать заранее.

– Понятно. – Она поставила портфель на тумбу. – Сегодня двадцать пятое. Вы обещали.

– Помню. Я перевёл утром, посмотрите приложение.

– Посмотрю.

Он вышел, и дверь за ним закрылась так мягко, что Марина вздрогнула. Она постояла, глядя на запертую дверь, потом достала телефон и открыла банковское приложение. Двенадцать тысяч четыреста рублей, от «Артём Б.», сегодня в 11:42. Перевод пришёл. Она убрала аппарат и пошла на кухню, где Полина, не отрываясь от ноутбука, спросила:

– Он правда перевёл?

– Правда.

– Видишь. А ты думала.

– Я ничего не думала, – сказала Марина. Но в этот момент как раз подумала о другом: о том, что человек, который за-

платил вовремя и ровно по счёту, способен так же вовремя и ровно что-нибудь соврать.

***

Ресторан «Лазурь» занимал второй этаж старого особняка на Орджоникидзе, над галереей. Белые стены, тёмный пол, свечи в стеклянных колпаках, у окон на высоких ножках бокалы с цветами. К десяти вечера зал почти опустел. За дальним столом доедала пара иностранцев, официанты тихо складывали салфетки, где-то в глубине играл рояль, одинокий, неспешный.

Виктория встретила его у стойки администратора. В узком чёрном платье до колен, с вырезом на спине, глубокий настолько, что хватало ошибиться взглядом. Светлые волосы собраны в узел, шея открыта, в ушах бриллиантовые гвоздики, которые он дарил ей на второй год. На губах красная помада, как всегда, как будто она раз и навсегда решила: цвет победителя.

– Опоздал на семь минут, – сказала она.

– Пробки.

– В Сочи вечно пробки. Придумай что-нибудь поновее.

Она провела его к столику у окна, поставила перед ним бокал, налила что-то янтарное из бутылки без этикетки и села напротив, закинув ногу на ногу. Свеча дрожала между ними.

– Ты похудел, – заметила она.

– Нет.

– Похудел. Скулы острее. Она тебя не кормит?

– Это не твоё дело.

– Моё, – ответила Вика ровно. – Я три года готовила тебе завтрак, и если кто-то теперь не справляется, мне обидно за продукт.

Он усмехнулся против воли. Это и было её главным талантом: умение сказать злое так, чтобы оно звучало ласково, и наоборот.

– Мы расстались, Вик.

– Мы поссорились.

– Ты выкинула мои вещи с балкона.

– А ты недели две не выходил на связь. Что мне оставалось? – Она взяла бокал, повертела. – Зачем ты вообще пришёл, если тебе не интересно?

– Ты позвала.

– А ты пришёл. Значит, интересно.

Артём молчал. Рояль в глубине зала сменил мелодию, и Вика улыбнулась так, будто ждала именно этого.

– Помнишь, что это? Мы танцевали под неё на крыше в Красной Поляне, в Новый год. Было минус восемь. Ты снял пиджак и накинул мне на плечи, а сам ходил в одной рубашке и хохотал, что тебе жарко.

– Помню.

– А помнишь, как ты упал на байке на Мамайке и порвал кожу под ключицей? – Она потянулась через стол и коснулась пальцем его ворота, прямо над тем местом, где под тка-

нью пряталась тонкая светлая линия. – Я зашивала тебя на балконе, зелёнкой, иголкой из швейного набора. Ты орал как резаный.

Он отвёл глаза. Её палец оставался на пуговице воротника, лёгкий, горячий.

– Ты тогда сказал, что я единственная, кто не убежала от крови, – тихо добавила Вика. – Что такая, как я, на всю жизнь.

– Вика…

– Что «Вика»? – Она убрала руку, и в голосе у неё впервые зазвенело что-то металлическое. – Ты съехался с двадцатилетней девочкой. Живёшь в квартире её матери. Я навела справки, не удивляйся: Полина Мельникова, второй курс, туризм. Мать управляет отелем и, говорят, держит весь персонал в кулаке. Ты что, нашёл себе тёплое место?

– Не говори так.

– А как? Объясни мне. Ты ведь не любишь её. Ты любишь, когда тебя встречают дома с ужином и смотрят влюблёнными глазами. Это не любовь, Тём, это санаторий.

– Тебе кажется.

– Мне не кажется. Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

Она наклонилась ближе, и свет свечи лёг на её ключицы, на ямку у основания горла.

– Тебе двадцать пять лет, а в голове у тебя всё ещё шестнадцать. Тебе хочется, и чтобы тихо, и чтобы страстно. И чтобы никто не спрашивал. Одна даёт тебе покой, другая огонь.

Но с огнём, милый, надо уметь обращаться, а она, твоя девочка, тебя просто сожжёт, когда узнает.

– Она не узнает.

– Вот и договорились. – Вика откинулась на спинку стула и допила бокал. – Не узнает, пока я молчу.

Подошёл официант, поставил на стол тарелку с тартаром и две вилки, исчез. Артём смотрел на еду, на её руки, на тонкое золотое колечко на указательном пальце, подаренное им же, и чувствовал, как внутри что-то проваливается, медленно, как корабль, у которого пробит борт.

– Сколько ты хочешь? – спросил он.

– Ты оскорбляешь меня.

– Тогда чего?

Она не ответила. Просто встала, обошла стол и, проходя мимо, коснулась его плеча.

– Через десять минут я закончу смену. Подожди у чёрного входа.

***

Они вышли в ночную духоту, в узкий двор между старыми стенами, где пахло мокрым камнем и жасмином из чьего-то палисадника. Её квартира была в двух кварталах, на девятом этаже новой высотки, с видом на порт, и лифт поднимал их медленно, как в плохом сне. Вика не прикасалась к нему. Стояла, глядя на цифры над дверью, а когда кабина дёрнулась и открылась, первой вышла в коридор и первой вставила ключ.

Дверь квартиры хлопнула за его спиной. В темноте пахло её духами, терпкими, с нотой ванили и чего-то табачного, и этот запах ударил по нему как пощёчина: не новизной, а узнаванием. Как будто всё это время он жил с залепленным носом и вдруг вдохнул.

– Ну что ты стоишь? – спросила она в темноте.

Он шагнул вперёд, и Вика резко повернулась, толкнув его ладонями в грудь. Он ударился спиной о стену. Она прижала его всем телом, поднялась на носки, и её губы оказались у самого его рта, но не касались.

– Скучал? – выдохнула она.

– Заткнись.

Она рассмеялась, коротко, низко, и поцеловала. Не так, как Полина, которая целовалась всегда немного вопросительно, робея, как будто просила разрешения. Вика не просила. Её зубы прихватили его нижнюю губу, пальцы запутались в волосах, колено вклинилось между его ног. Артём вцепился ей в бёдра, почувствовал под тонкой тканью горячую кожу и резкую, чуть влажную дрожь, и все его разумные планы, все «только поговорить», все обещания самому себе вспыхнули и осыпались, как фольга.

– Расстегни, – сказала она, повернувшись к нему спиной.

Молния на платье шла вдоль позвоночника. Он тянул её вниз, считая позвонки, и ткань расходилась, открывая светлую кожу с родинкой между лопаток, ту самую, которую он когда-то находил в темноте на ощупь. Платье упало к но-

гам. Вика переступила через него, не оборачиваясь, и пошла вглубь квартиры, оставляя за собой одну туфлю, потом вторую, а потом остановилась в проёме спальни, положив ладонь на косяк.

– Идёшь?

В комнате горел только ночник на тумбочке. За окном внизу мерцал порт, огни яхт, ленты фонарей. Она толкнула его на кровать, села сверху, и прядь выбилась из узла, упала ей на лицо. Вика не поправила. Смотрела на него сверху, прищурившись, как смотрят на добычу, которая уже сдалась и ещё делает вид, что нет.

– Смотри на меня, – велела она.

– Смотрю.

– Нет. Не в потолок. В глаза.

Он смотрел. Она расстегнула его рубашку, пуговицу за пуговицей, но быстро, почти зло, и когда добралась до шрама, нагнулась и прикусила кожу рядом с ним, как ставят клеймо. Артём выругался сквозь зубы. Вика засмеялась.

– Это тебе за февраль.

– А это? – Он перехватил её запястья и перевернул, прижав к матрасу.

– А это, – выдохнула она, выгнувшись под ним, – за каждый раз, когда ты не звонил.

В этой постели не было ни нежности, ни шёпота, ни осторожных вопросов. Были царапины на плечах, перехваченное дыхание, зубы, ногти, судорожные рывки, в которых каждый

пытался взять верх и каждый терпел поражение. Вика кричала, не стесняясь стен и соседей, и в этом крике было что-то хозяйское, торжествующее. Простыни сбились в жгут. Подушка упала на пол. Она то лежала, то опрокидывала его, то прижимала к себе так, что он не мог шевельнуться, и после каждого мгновения, когда ему казалось, что всё, что дальше уже некуда, она находила ещё одну точку напряжения и ещё одну секунду, пока не обмякла, вся в испарине, выдохнув его имя, как ругательство.

Потом они лежали на разорённой постели, не касаясь друг друга. Ночник моргал. Вика закинула руку за голову и разглядывала потолок.

– Останешься?

– Нельзя.

– Почему?

– Ты знаешь.

– Нет. Скажи вслух.

– Она ждёт.

– Ага, – кивнула Вика. – Ждёт. Спит в твоей кровати, в твоей комнате, ждёт, как верная собачка. А я? Что, мне тоже ждать? Три года ждала. Хватит.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Правду. Что ты не можешь выбрать.

Он промолчал. Она хмыкнула, перекатилась на бок и посмотрела на него, подперев щёку рукой. Красная помада размазалась, под глазами тёмные пятна туши. Такой он видел её

очень редко. Настоящей.

– Ладно, – сказала Вика. – Не выбирай. Пока. Но предупреждаю: у меня тоже есть терпение, и оно не бесконечное.

– Понял.

– Ничего ты не понял. Иди в душ, от тебя несёт мной.

Он встал, собирая одежду. Она тоже поднялась, накинула на плечи шёлковый халат и стояла в дверях спальни, как в рамке, босая, с рассыпавшимися волосами, и смотрела, как он уходит. Хозяйка. Победительница. Женщина, которая знает, что вернётся.

***

Он вошёл в квартиру в начале четвёртого и замер в прихожей, прислушиваясь. Из комнат не доносилось ни звука. Только холодильник гудел на кухне, и где-то в стене пробежала, булькнув, вода.

Он разулся. Прошёл в ванную, не включая свет, ополоснул лицо ледяной водой. В зеркале, в слабом отблеске уличного фонаря, увидел чужие глаза: красные, с воспалёнными веками, глаза человека, который слишком долго притворялся. На шее, прямо под ухом, темнел свежий след, маленький, овальный. Артём поднял воротник, потрогал пальцем, поморщился. Через два дня сойдёт. Рубашка скроет.

Он расстегнул пояс и вдруг вспомнил, что в её душе пользовался её же гелем, абрикосовым, сладким, и теперь этот запах держится на коже. Он включил воду, намылился пеной Марининой «Эколь», которая стояла на нижней полке рядом

со стиральным порошком, и терся до красноты, пока от абрикоса не остался только запах мыла.

В спальню он пробирался на цыпочках. Полина спала на правой половине кровати, свернувшись в комок, подтянув колени к груди и обхватив подушку. Волосы разметались по наволочке. Лампа на тумбочке горела: она ждала. Он выключил свет, лёг и повернулся к стене.

– Тём? – прошелестело из темноты.

– Спи.

– Ты пришёл.

– Пришёл. Полчаса как.

– Я думала, не дождусь. – Она повернулась, подползла ближе, ткнулась лбом ему в лопатку. Сонная, тёплая, пахнущая ромашковым шампунем и детским кремом. – Как прошла встреча?

– Нормально. Договорились.

– Хорошо.

Она замолчала. Он решил, что она заснула, но через минуту Полина тихо и вдруг серьёзно спросила:

– Ты пахнешь по-другому.

Сердце ударило один раз, тяжело, как кулак в дверь.

– В смысле?

– Не знаю. Мылом каким-то. Не твоим.

– В офисе принимал душ. Там дурацкий гель, жёсткий.

– А-а. – Она зевнула. – Я думала, у тебя новый одеколон.

Он повернулся на другой бок и увидел в полутьме её ли-

цо: заспанное, мягкое, с влажной прядью на щеке. Она улыбалась. Не ему даже, а сквозь сон, сама себе, той тёплой, беззаботной улыбкой, какой улыбаются люди, которым нечего бояться. Она протянула руку, нашла его ладонь и сжала.

– Люблю тебя, – прошептала Полина. – Знаешь?

– Знаю.

– Ты такой хороший.

Её дыхание выровнялось. Рука ослабла, но не отпустила его пальцев. Артём лежал неподвижно, глядя в потолок, и слушал, как где-то за стеной шумит море, равнодушное и бесконечное. Его телефон, лежавший на тумбочке экраном вниз, мигнул, высветив щель под корпусом. Раз. Другой. Он не повернул голову.

Было без десяти четыре. Через три часа встанет Марина, и в кухне опять запахнет кофе.

Глава 4. «Три женщины»

Марина привыкла вести график. На работе без него нельзя: восемь горничных, четыре администратора, две смены охраны, поварская бригада, которая не выходит на работу в день, когда у шеф-повара болит спина. Люди у неё ходили по расписанию, как поезда, и она научилась читать любое расписание насквозь, даже когда оно не её.

К концу июня график Артёма читался без усилий.

Вторник: ушёл в восемь, вернулся в половине второго. Четверг: ушёл в семь тридцать, вернулся без пяти час. Суббота: ушёл в девять, вернулся в три. Воскресенье он целый день провёл дома и целовал Полину при каждом удобном случае, словно расплачивался за долги. Понедельник и среда тоже оставались чистыми.

Она не следила. Она просто замечала, как замечают, что в кране капает: не специально, а потому что звук врезается в сон.

Отдельной строкой шла его кожа. В последний понедельник июня за завтраком Артём потянулся за сахарницей, рукав сполз, и на запястье, чуть выше ремешка, обнаружились четыре тонкие красные полосы, начинающиеся одной точкой и расходящиеся веером. Полина сидела напротив, уткнувшись в телефон. Марина посмотрела на полосы, потом на Артёма. Артём подтянул рукав.

– Кошка у приятеля, – сказал он, не дожидаясь вопроса.

– У вас много приятелей с кошками.

– Это был один приятель. И одна кошка.

– Понятно.

Вечером того же дня она открыла ноутбук и нашла сайт «Прима-Ивент»: сдержанный, с красивыми фотографиями банкетов, с разделом «Команда». Четвёртым в третьем ряду значился Артём Белов, ведущий менеджер, в синем пиджаке, с той самой улыбкой. Контакты, телефоны, адрес офиса на Навагинской. Работа существовала. Это почему-то не успокоило, а скорее испортило настроение: значит, врёт не про работу.

А про что тогда?

Во вторник она не легла спать. Сидела на кухне с чашкой остывшего чая и книгой, которую не читала, и в половине второго услышала, как в замке поворачивается ключ. Артём вошёл, не включая света, разулся и увидел её только у холодильника. Не вздрогнул. Остановился.

– Вы почему не спите?

– Я бессонная женщина. Вы почему не спите?

– Работа.

– В час ночи.

– Клиент из Москвы. Только что прилетел, хотел обсудить площадку. Они там все на другом времени живут.

– Из Москвы разница два часа, не шесть.

– Значит, ему так захотелось. – Он открыл холодильник,

достал бутылку воды и пил, не закрывая дверцы, подсвеченный белым светом изнутри, красивый и усталый. – Марина Сергеевна, давайте без допросов. Я никого не обижаю, в квартире ничего не ломаю, деньги плачу. Что вам ещё нужно?

– Правда.

– А она вам понравится?

Вопрос был задан почти ласково. Марина посмотрела на него долго, внимательно, пока он не поставил бутылку на место.

– Нет, – сказала она. – Скорее всего, нет. Но я предпочитаю знать.

– Тогда я сообщу вам, когда соберусь рассказать.

– Не рассчитывайте, что я дождусь.

Он улыбнулся, пожелал спокойной ночи и ушёл по коридору. Она осталась сидеть, глядя на закрытую дверцу холодильника, и вдруг заметила, что на ней висит магнитик с Красной Поляны, купленный в тот год, когда они с Полиной в последний раз ездили вдвоём. Дочери было шестнадцать. Тогда она ещё рассказывала матери всё.

***

В воскресенье Артём с утра уехал на тренировку, и Марина, наконец оставшись с дочерью наедине, вынесла на балкон два стакана лимонада и разложила на плетёном столике бумаги.

– Что это? – Полина щурилась на свету, ещё не проснув-

шись.

– Твоя практика. Я договорилась с Эльвирой, это начальница службы приёма и размещения. Шестого июля начинаешь на ресепшене, с девяти до пяти, четыре дня в неделю. Зарплата небольшая, но это опыт, а в твоём резюме он понадобится.

Полина взяла листок, пробежала глазами, положила обратно.

– Мам, я не пойду.

– Почему?

– Я хочу это лето провести с Артёмом.

– В каком смысле «провести»?

– В прямом. – Полина подтянула колени к груди, обхватила их руками. – Мы хотим поехать на море, в Абхазию, на неделю, а потом ещё куда-нибудь в горы. Он говорит, что можно взять отпуск в конце июля. Я не хочу сидеть за стойкой и улыбаться туристам, пока он там один.

– Он не один. У него работа.

– Не надо.

– Что «не надо»?

– Этого тона. «У него работа». Как будто я наивная дурочка, которая ничего не понимает.

– Я не называла тебя дурочкой.

– Ты так на меня смотришь.

– Полина, – Марина отставила стакан, – давай по пунктам. Ты второй курс. Тебе нужны практика, связи, навык. Ты хо-

чешь работать в гостиничном бизнесе, и на тебе висит моя фамилия. Я не прошу невозможного. Четыре дня в неделю. Остальное время можешь проводить с кем хочешь.

– А если я не хочу «остальное время»? Если я хочу всё?

– Всё не бывает.

– У тебя не бывает.

Это было сказано без злости, почти устало, и оттого ударило сильнее, чем вчерашняя ссора. Марина откинулась на спинку стула. Внизу, во дворе, кричала детвора, гонявшая мяч между припаркованными машинами, и чей-то голос сердито звал домой.

– Объясни мне, – сказала она тихо. – Не со злости, а по-человечески. Почему именно сейчас? Почему не в августе, когда у тебя каникулы, когда всё равно ничего нет?

– Потому что ему сейчас хорошо рядом со мной. – Полина говорила торопливо, горячо. – Он такой… он весь день работает, возвращается измотанный, а когда я рядом, он отдыхает. Понимаешь? Я чувствую, что нужна ему. Не как студентка, не как «чья-то дочка», а как человек. Мам, ты когда-нибудь была нужна кому-то вот так? До последней капли?

– Была.

– Кому?

– Тебе. Когда тебе было два года, и ты не засыпала без моей руки. – Марина помолчала. – А потом ты выросла. Это нормально. Это правильно. Но я хочу, чтобы ты и дальше принадлежала себе, а не кому-то.

– Я принадлежу себе. Просто выбираю, с кем.

– Выбираешь, – повторила Марина. – В двадцать лет, через полтора месяца, не зная даже, где он ночует по вторникам и четвергам.

Полина вскинула голову.

– Он работает.

– Конечно.

– Ты что-то знаешь?

Секунда. Две. Марина смотрела в её глаза, карие, широко распахнутые, такие же, как у неё самой, и понимала, что стоит на краю. Одно слово, и всё рухнет: и недоверие, и ярость, и хлопнувшая дверь, и вторая половина лета в ледяном молчании. Или не одно слово. Одна фотография, которой у неё ещё нет.

– Я ничего не знаю, – сказала она. – Я просто смотрю на часы. Вторник и четверг. Это странно.

– Это работа! – Полина вскочила. – Мам, ты хоть раз в жизни делала что-нибудь не по расписанию? Не по плану, не по графику? Просто потому что хотелось?

– Сделала.

– Что?

– Тебя.

Полина замерла. Лицо у неё дрогнуло.

– Мне было двадцать четыре, – ровно продолжила Марина. – Я училась на последнем курсе, отец твой обещал, что всё будет хорошо, что мы справимся. Я поверила. Через де-

сять лет он собрал чемодан и сказал, что устал. Вот и всё, что у меня было «не по расписанию». И я бы сделала это снова, но уже зная цену. Поэтому я и хочу, чтобы ты знала её заранее.

Они стояли друг напротив друга на узком балконе. Ветер шевелил занавеску, тянул с моря солоноватую влагу. Полина первой отвела взгляд и подобрала листок с практикой.

– Я подумаю, – буркнула она.

– Это всё, о чём я прошу.

– Не всё. Но ладно.

Она ушла в комнату, а Марина осталась на балконе, и лимонад в её стакане давно потерял вкус.

***

Виктория выбрала четверг для разведки. Ресторан по четвергам работал без неё: управляющий вечно просил выходной, она ему отдавала, а сама в этот день ездила в салон или просто лежала на пляже, пытаясь выгнать из себя Артёма. Не получалось. Сегодня она решила пойти другим путём.

Белый «Мини» остановился у обочины в тихом дворе на Бытхе, за раскидистой акацией, откуда просматривался вход в подъезд. Вика поправила солнечные очки, глотнула холодного кофе из бумажного стакана и стала ждать. Адрес она узнала просто: дважды видела, как Артём вызывал такси, и однажды подсмотрела в приложении. Остальное делалось само.

Дом был обычный, кирпичный, девять этажей, детская

площадка, лавочки у подъездов, на которых по вечерам сидели старухи в панамах и вязаных жилетках. Вика ненавидела такие дворы. В них всё про всех знали.

Потому они ей и были нужны.

В половине двенадцатого из подъезда вышла девочка. Вика сразу поняла, что это она: длинные тёмно-каштановые волосы, лёгкое жёлтое платье выше колена, на плече рюкзачок, в руке телефон. Лицо милое, открытое, никакого макияжа, только блеск на губах. Следом вышел Артём в светлых брюках и белой рубашке. Девочка повернулась к нему, что-то сказала, он наклонился, поцеловал её в макушку, и она засмеялась, прижавшись к его плечу.

Вика не шевельнулась. Только пальцы на стакане стиснулись так, что крышка слетела и горячий кофе плеснул на джинсы.

Они прошли мимо её машины, не заметив. Он держал девочку за руку, как держат ребёнка, перед которым чувствуешь вину. Или как держат вещь, которую боишься выронить. Вика не разобрала. Сфотографировала их через стекло, дважды, и, когда они свернули за угол, вышла из машины.

Лавочка у соседнего подъезда была занята. На ней сидела полная женщина лет пятидесяти с аккуратной химической завивкой, в цветастом халате, с корзинкой, в которой шуршали пакеты из «Магнита». Вика подошла с самой мирной улыбкой.

– Простите, не подскажете, где здесь вход во второй подъ-

езд? Я, кажется, заблудилась. Из управляющей компании, обхожу жильцов по поводу лифтов.

– Второй вот, – махнула женщина рукой. – А лифт у нас, милая, который год на ладан дышит. Я Светлана Игоревна, с четвёртого этажа. Вы мне хоть скажите, когда будете чинить?

– Обязательно. Список составляем. А вы давно здесь живёте?

– Двадцать два года!

– Тогда вы всех знаете.

– А как же. – Светлана Игоревна устроила корзинку поудобнее. – Вон Мариночка с девятого этажа, наша, подъездная, помоложе меня, но держится молодцом. Управляет гостиницей, как вам? Целым отелем. В двухтысячных бедная была, на двух работах крутилась, а теперь квартира у неё, трёхкомнатная, на девятом, с видом, и машина.

– А семья?

– Разведена. Давно, лет десять. Мужик был никудышный, уж простите за выражение, пил да гулял. А дочка у неё, Полиночка, золото. Учится, красавица. И вот недавно, вы представляете, жениха привела.

Вика улыбнулась шире. Улыбка получилась мягкой, как масло.

– Серьёзно? И какой?

– Высокий, красивый, вежливый такой, с часами. Здоровается всегда первым, мне пакеты помогал донести. Но, – Светлана Игоревна понизила голос, – я вам скажу по секре-

ту, мать от него не в восторге. Марина мне ни слова, но я же вижу: идёт мимо, нос кверху. А он, вы знаете, живёт у них, вещи привёз, чемодан. С неделю назад.

– А Марина часто дома?

– Что вы. Директор. По вторникам в разъезде, по средам иногда на сутки остаётся в отеле, когда банкеты. А так в девять-десять вечера приезжает. Вы про это зачем спрашиваете?

– Чтобы лифтёров заранее предупредить, когда безопаснее приходить.

– Ах, вот оно что. Ну, тогда по средам лучше: Марины нет, дочка в институте. А этот молодой человек… – Светлана Игоревна задумалась, – по вечерам его почти не видно. Работает, наверное. Я слышала, он на мероприятия какие-то ездит.

– Понятно. – Вика записала в телефон «среды» и «вечера». – Спасибо вам огромное. Вы очень помогли.

– Да что вы, милая, всегда пожалуйста. Только про лифт не забудьте.

– Не забуду.

Она вернулась в машину и долго сидела, не заводя двигатель, глядя на фасад девятиэтажки. В одном из окон на верхнем этаже мелькнула занавеска, широкая гостиная с панорамным окном. «Трёхкомнатная, с видом, управляет гостиницей». Девочка из состоятельной семьи. Мама-деловая-женщина, которая не в восторге. Всё складывалось.

Вика открыла фотографии, увеличила снимок: смеющаяся брюнетка, прижавшаяся к плечу Артёма.

– Двадцать лет, – сказала она вслух. – Господи, мне было столько, когда я впервые поняла, чего стоят такие мальчики.

Завела мотор. Телефон на торпеде загорелся: сообщение от Артёма, нейтральное, осторожное, через мессенджер, как она и просила. «Не могу сегодня. Позвоню завтра». Она не стала отвечать. Отправила в ответ один-единственный снимок: лавочку, акацию, окна девятого этажа, снятые из её машины. Без подписи.

***

Телефон Артёма лежал на кухонном столе, экраном вверх, и Марина, вышедшая за водой, увидела его не сразу. Он зазвонил в тот момент, когда она открывала холодильник.

Она не собиралась подглядывать. Просто повернула голову на звук.

На экране вспыхнуло фото. Женщина, блондинка, в чёрном платье, с ярко-красной помадой, с голой спиной и обернувшимся через плечо лицом, прищурилась в камеру и послала воздушный поцелуй. Снимок был сделан с любовью, или с той формой самоуверенности, которую ошибочно принимают за любовь. Под фотографией дрожала надпись: «Вика Рестор».

Вызов прозвенел четыре раза и оборвался. Экран потух.

Марина поставила стакан на стол. Рука почти не дрожала.

Она знала это лицо. Не по телефону, нет. По залу. Месяца

три назад в ресторане «Лазурь» они обедали с поставщиками вина из Краснодарского края, и администратор в чёрном платье с красной помадой, красивая, ухоженная, с гладким голосом, пересаживала их три раза, пока не нашла идеальный стол. Марина запомнила, потому что поблагодарила, а та ответила: «Орлова. Виктория Орлова. Звоните, если что». И протянула визитку, которую Марина тут же потеряла.

Значит, Виктория Орлова. «Вика Рестор». Контакт записан по месту работы, чтобы не выдавать имени, но фото осталось настоящее. Любовница? Бывшая? Приятельница? Одиннадцать лет назад, когда муж ещё жил в её доме, на его телефоне тоже висели безобидные фамилии: «Сантехник Игорь», «Андрей Гараж». Названия бывают любыми. Лица не лгут.

Она представила, как рассказывает Полине. Её собственный голос: «Доченька, он тебе врёт». Лицо Полины, сначала недоумённое, потом упрямое, потом ледяное. «Ты просто хочешь нас развести». Всё это Марина уже слышала, предсказывала, проживала заранее. Доказательств нет. Фото в телефоне, звонок, который можно объяснить: «Работаю с рестораном, она мне поставляет площадки». Он соврёт и соврёт убедительно. А дочь поверит ему, потому что хочет верить.

Нет. Не сейчас. Сначала нужно понять, сколько в этом правды и что стоит за красной помадой.

Дверь ванной открылась. Артём вышел в одном полотен-

це на бёдрах, с мокрыми волосами, и остановился. Марина стояла возле стола, рука с пустым стаканом. На экране его телефона, снова загоревшегося, висел пропущенный вызов.

Он посмотрел на неё. Потом на телефон. Потом снова на неё.

– Звонили, – сказала Марина ровно. – Дважды, по-моему.

***

Всё остальное он помнил потом покадрово, как в замедленной съёмке. Стакан в её руке, блестящий от влаги. Линия её рта, спокойная, без складок. Глаза, серые, чуть усталые, не сердитые и не любопытные: изучающие. Так смотрят на документы, в которых нашли ошибку, но ещё не решили, что с этим делать.

– Работа, – сказал он, и собственный голос ему не понравился.

– Конечно.

– Клиенты вечно названивают, когда человек в душе.

– Конечно, – повторила Марина.

Она поставила стакан в раковину, вымыла руки, вытерла, аккуратно сложила полотенце. Спиной он видел только прямую линию плеч. Потом она повернулась.

– Знаете, Артём, у меня есть простое правило. Я не лезу в чужие телефоны и не читаю чужих писем. Мне хватает того, что люди сообщают мне сами.

– Это разумно.

– Я бы сказала, это необходимо. – Она посмотрела на него

долгим, спокойным взглядом. – Если, конечно, человек сообщает.

Она ушла. Он остался стоять посреди кухни в мокром полотенце, и по спине бежал холод, не от воды. Телефон лежал на столе. Он взял его, не включая, повернул экраном вниз, и только тогда понял, что руки у него не слушаются.

Видела? Могла видеть. Номер высвечивается с фото, он сам когда-то поставил её снимок, самый красивый, любимый, чтобы не перепутать. Глупость. Идиотизм. Три года он путал её с рабочими номерами и теперь расплачивается.

Или не видела. Или видела и не поняла.

Нет. Эта женщина всё понимает.

Он оделся в спальне, наспех, пока Полина в наушниках смотрела на ноутбуке лекцию. Вышел на лестничную площадку, прикрыл за собой дверь и спустился на пролёт, туда, где окно выходило во двор и где его не слышали ни из квартиры, ни с этажей. Набрал номер, который знал наизусть.

– Алло, – лениво отозвалась Вика. – Соскучился?

– Ты больше не звонишь мне, когда я дома.

– Здравствуй, родной.

– Я серьёзно. Только сообщения. И только в мессенджер. Ты поняла?

– А что случилось?

– Ничего. Просто так надо.

– Ага. – В её голосе проскользнула насмешка. – Кто-то тебя увидел?

– Никто.

– А если я позвоню завтра? В девять утра, например?

– Вика.

– Что «Вика»? Ты теперь боишься, Артём? – Она смеялась, но смех получился невесёлым. – Знаешь, я долго не понимала, что в тебе изменилось. А теперь вижу. Ты стал бояться. Это очень красиво. Мне нравится.

– Прекрати.

– Ладно, ладно. Не буду. – Пауза. – Слушай, а у неё мать симпатичная?

Он замер.

– Что?

– Мать твоей девочки. Я слышала, она тоже ничего.

– Откуда…

– Мир тесен, милый. И Сочи тесный. Ну, не волнуйся. Я пока никому ничего. Целую.

Короткие гудки. Он стоял в окне, глядя на двор, на детскую площадку, на белое пятно акации, и ему казалось, что на лавочке, под деревом, всё ещё остаётся вмятина, как будто кто-то долго сидел там и смотрел на дом.

Вернувшись в квартиру, он зашёл в настройки телефона, нашёл контакт «Вика Рестор», поменял фото на серый силуэт и переименовал: «Склад». Нажал «сохранить». Потом, подумав, стёр и это. Оставил просто номер.

Марина сидела в гостиной, в кресле, с книгой. Не подняла головы, когда он проходил мимо. Но когда он уже стоял

в дверях своей комнаты, она сказала, не отрываясь от страницы:

– Артём.

– Да?

– Закрывайте дверь на лестницу плотнее. Сквозит.

Он кивнул. Она перевернула страницу. В квартире снова стало тихо, и только за окном надрывался чей-то мотороллер, спускаясь по серпантину к морю.

Глава 5. «Ночная переписка»

Полина проснулась от тишины. Так бывает: ждёшь привычного звука, а его нет, и сон отпускает сам. Рядом, на левой половине кровати, лежал Артём, спиной к ней, и не дышал так, как дышат спящие. Слишком ровно. Слишком осторожно.

Она не пошевелилась. Из-под одеяла, у его груди, пробивалось слабое голубоватое сияние, дрожало на стене рваным пятном. Потом тонко, почти беззвучно, звякнуло: сообщение. Его плечо дёрнулось. Пальцы застучали по стеклу, быстро, уверенно, как у человека, который делает это не в первый раз.

Часы на тумбочке показывали ноль часов сорок восемь минут.

Полина лежала с открытыми глазами и считала. Это была уже третья ночь. В воскресенье он пролежал так почти час, она думала, что пишет коллегам. В среду вышел «попить воды» и вернулся через двадцать минут. Сегодня не вышел вовсе, просто прятался под одеялом, как школьник с фонариком и запрещённой книгой.

Что-то в этой позе, в сгорбленной спине, в ровном свете, который он старался не выпустить в комнату, ей не нравилось. Не потому что она видела что-то плохое. Потому что видела слишком старательное.

Он ещё раз звякнул экраном, выдохнул через нос, тихо, довольно. Усмехнулся. Именно усмехнулся, не улыбнулся: коротко, одним уголком рта, как смеются над чем-то личным. Полине стало холодно, хотя в комнате стояла жара и окно было открыто настежь.

Свет погас. Артём положил телефон на тумбочку, экраном вниз, перевернулся на спину и вздохнул. Полина закрыла глаза, сделала дыхание глубоким, спящим. Он повернул голову, посмотрел на неё долго, она чувствовала этот взгляд на щеке, а потом положил ладонь ей на бедро, тёплую, тяжёлую, привычную.

– Спишь? – шепнул он.

Она не ответила.

– Хорошая моя.

Рука осталась лежать. А Полина смотрела в темноту под веками и думала, что любой другой на её месте уже давно спросил бы прямо. Что в романах и в фильмах девушки всегда спрашивают прямо, а потом либо плачут, либо смеются. Но в романах не рассказывают, как это трудно: открыть рот и произнести вслух слова, после которых что-то уже нельзя будет вернуть.

***

Утром он готовил омлет. Пел что-то себе под нос, перекладывал на тарелки, посыпал зеленью. Полина сидела на табурете, подтянув колено к подбородку, и смотрела, как двигаются его плечи под футболкой. Красивые, сильные, надёж-

ные. Чужие.

– Ты вчера поздно уснул, – сказала она.

– Правда? – Он не обернулся. – Не заметил.

– Ты писал кому-то.

Лопатка замерла в воздухе. Одну секунду, не больше. Потом он поставил её на край сковороды и повернулся, облокотившись о столешницу, с лёгким, чуть удивлённым выражением.

– А, это. – Он вытер руки о полотенце. – Заказчики. У нас сейчас свадьба на триста человек в Лазаревском, невеста пишет мне в любое время суток. Я ей уже говорил: ничего не решается в два часа ночи. А она всё равно пишет.

– В час ночи.

– В час, в два, как вспомнит. – Он достал телефон, разблокировал, быстро пролистал что-то и протянул ей. – Вот, смотри. Алёна. Хочешь почитать?

Полина взяла аппарат. На экране светилась переписка с контактом «Алёна заказчик», сорок восемь сообщений за последний час. «Тёма, можно ли заменить пионы на гортензии? Ой, а если дождь?» «Ещё вопрос про рассадку, у меня тётка с мужем в ссоре». Последнее пришло в ноль сорок девять. Дальше шёл его ответ, терпеливый и спокойный. «Всё решим завтра. Спите, пожалуйста».

Она прочитала всё. Строчки послушно складывались в картину, достоверную и скучную. Но пока она читала, внутри у неё что-то мелко, настойчиво шевельнулось: слишком

вовремя. Слишком быстро нашёл. Как будто эта переписка лежала наготове.

Или она себя накручивала?

– Прости, – сказала она, возвращая телефон. – Я просто…

– Что?

– Мне показалось, ты улыбался.

– Конечно, улыбался. Невеста смешная. Она просила, чтобы на торте был дракон, потому что жених увлекается фэнтези.

Он говорил и смотрел на неё прямо, не отводя глаз, и именно эта прямота вдруг показалась ей странной. Люди, которым нечего скрывать, обычно отвечают на вопросы чуть иначе: рассеяннее, с лёгкой досадой, что их отвлекают. Артём же отвечал, как на экзамене, который сдал заранее.

– Полин. – Он опустил телефон на стол. – Скажи честно, ты меня проверяешь?

– Нет.

– Мне не нравится, когда меня проверяют.

– Я не…

– Я понимаю, у тебя были отношения, где тебя обманывали. Ты рассказывала про Кирилла. Но я не Кирилл. – Он взял её за подбородок, мягко, но так, что отвернуться не получилось. – Мне нужно, чтобы ты мне доверяла. Это главное. Без этого ничего не будет. Понимаешь?

– Понимаю.

– Хорошо.

Он поцеловал её в лоб, как целуют ребёнка, которому пообещали больше не выдёргивать ромашки. Вернулся к плите. А Полина осталась сидеть, с горящими щеками и странным чувством, что она только что извинилась за то, чего не делала, и согласилась с тем, с чем не соглашалась.

Омлет получился вкусным. Она съела всё до крошки.

***

В среду Марина заехала за дочерью к университету. Редкость: обычно Полина добиралась сама, на маршрутке, и мать не встречала её со второго курса. Но в этот день она позвонила накануне вечером и сказала: «Давай пообедаем. Только вдвоём». Полина колебалась, потом согласилась.

Они сидели в маленьком кафе на Навагинской, в тени платанов. Заказали окрошку, лёгкий салат с креветками, минералку. Марина смотрела, как дочь ковыряет вилкой лист рукколы.

– Ты плохо спишь.

– С чего ты взяла?

– У тебя синяки под глазами. И в последние дни ты выходишь на кухню в шесть утра, хотя раньше спала до восьми.

– Ты следишь за мной?

– Я просто мама.

– Это одно и то же. – Полина отложила вилку. – Мам, давай без этого. Я знаю, что ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я сказала: да, мне плохо, да, мне тяжело, да, ты была права. Но у меня всё нормально.

– Я не прошу признаваться. Я прошу быть внимательной.

– К чему?

Марина набрала воздуха. Перед глазами встало лицо с красной помадой, голая спина, воздушный поцелуй. Одно слово. Всего одно: «Вика». Пара фраз, всё как есть, и, возможно, у Полины хватит ума поверить, подумать, проверить. А если нет? Если она взорвётся, побежит к Артёму, выложит всё, а он, умный, гладкий, найдёт объяснение и выставит мать лгуньей?

Нельзя без доказательств. Без доказательств это просто слова.

– К людям, – сказала Марина. – К тому, как они себя ведут. К мелочам.

– Каким мелочам?

– Это ты мне скажи.

– Господи, мама. – Полина откинулась на спинку стула, скрестила руки. – Вот. Ты опять. Всё то же самое. Ты роешься в его вещах, да? Нет, подожди. Ты каждый день допрашиваешь его на кухне, ты сделала ему три правила, ты считаешь его деньги, ты проверяешь, во сколько он приходит. Тебе мало, что ты командуешь в отеле? Тебе надо командовать и в моей жизни?

– Я не командую.

– Ты ждёшь, что он ошибётся. Ты хочешь, чтобы он ошибся. Ты каждый день ищешь повод, чтобы сказать: «А я говорила».

Слова били в самое больное, потому что были наполовину правдой. Марина сжала салфетку так, что побелели пальцы.

– Хочу, чтобы ты была счастлива, Полина.

– Нет. Ты хочешь, чтобы я была в безопасности. Это разные вещи. Быть в безопасности можно в клетке.

– Это неправда.

– Правда. Знаешь, как это называется? Чрезмерный контроль. Я читала. Это когда родители так боятся за ребёнка, что душат его. И ребёнок вырастает или бунтарём, или трусом.

– Кем вырастешь ты?

Полина встала, взяла сумку.

– Я уже выросла.

– Сядь.

– Нет. Я пойду в универ. У меня консультация. – Она остановилась, не глядя на мать. – И, пожалуйста, не приезжай больше без предупреждения. Мне неприятно.

Она ушла, стремительно, по тёплой брусчатке, мимо цветочницы, мимо старика с шарманкой. Марина осталась за столиком. Официант подошёл забрать тарелки, Полинину нетронутую порцию, и Марина попросила только счёт, а потом сидела ещё минут десять, не двигаясь, глядя на платан, под которым плясали пятна света.

Она не хотела душить. Она хотела только одного: не дать дочери пройти там, где сама когда-то провалилась. Но, видимо, нельзя защитить человека от того, чего он сам не го-

тов увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.